ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О 3-й С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Нерѣдко приходитъ на мысль, неужели пропадаютъ безслѣдно тѣ внутренніе, невидимые, тяжелые труды, которые посвящаются въ гимназіи образованію воспитанниковъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи? Едва ли. Какъ бы кто ни былъ забывчивъ, но въ иное время правдиваго сознанія невольно вспомнитъ, что пріобрѣтенными имъ свѣдѣніями много обязанъ онъ гимназіи, что чувство долга и чести посѣяно въ немъ примѣромъ достойныхъ наставниковъ. Нуженъ только случай, чтобы добрыя воспоминанія проявились наружу. Этимъ случаемъ послужило праздновавшееся 3-ю С.-Петербургскою гимназіею 50-тилѣтіе ея существованія. Изъ среды многочисленнаго общества, собравшагося въ этотъ день, громко раздавались чувства признательности бывшихъ ея воспитанниковъ. Какъ одинъ изъ старѣйшихъ гимназистовъ, я присоединяю къ нимъ теперь и свой голосъ.

Первые учителя гимназіи составляли небольшой кружокъ педагоговъ, которые, будучи посланы въ Англію для ознакомленія съ методою Ланкастера, довершили свое педагогическое образованіе подъ вліяніемъ школы Песталоцци, испытали свои преподавательскія способности въ учительскомъ, или педагогическомъ институтѣ 2-го разряда и приготовили 30 воспитанниковъ для поступленія въ высшій классъ открывшейся въ 1823 году нынѣшней 3-й гимназіи. Эти учителя были: Ѳ. И. Буссе, М. М. Тимаевъ, А. Г. Ободовскій, К. Ѳ. Свенске. Они окончили уже свое земное поприще, прошли его съ пользою и честію, пріобрѣли себѣ извѣстность какъ преподаваніемъ, такъ и печатными трудами, не лишенными значенія въ свое время. Единомысленное съ ними сотрудничество и другихъ наставниковъ, о которыхъ упомянемъ, было руководимо опытнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ инспекторомъ Ѳ. И. Миддендорфомъ, впослѣдствіи директоромъ Главнаго педагогическаго института.

Считаю излишнимъ распространяться о томъ обдуманномъ методѣ стройнаго преподаванія, который всѣ наставники внесли въ свои гимназическіе уроки. Достаточно сказать, что онъ сильно дѣйствовалъ на юные умы. Упомяну, между прочимъ, о слѣдующемъ: письменныя упражненія по всѣмъ почти предметамъ считались существеннымъ занятіемъ, и на нихъ было обращаемо заботливое вниманіе.

Математика (преподаватель Ѳ. И. Буссе) по существу своему и обычнымъ пріемамъ наиболѣе требовательна въ этомъ отношеніи, потому что задачи ея рѣшаются всегда письменно на доскѣ, или на бумагѣ. Но я разумѣю письменныя упражненія не въ этомъ ограниченномъ смыслѣ, а въ другомъ, который требуетъ понятнаго, отчетливаго, краткаго изложенія всего пріема рѣшенія, объясненія всей выкладки словами, а не одними цифрами и алгебраическими знаками. Очень нерѣдко случается, что словесный отвѣтъ у доски выходитъ удовлетворителенъ, а написать тоже оказывается дѣломъ затруднительнымъ. Толковое письменное изложеніе весьма содѣйствуетъ прочному усвоенію предмета; приготовленіе къ экзамену не составляетъ тогда особеннаго труда. Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, по геометріи предлагаемы были вопросы слѣдующаго рода: не придумаетъ ли кто своего доказательства на ту, или другую теорему? Было нѣсколько охотниковъ на такой вызовъ. Изъ одобренныхъ рѣшеній составилась довольно большая тетрадь, въ которую они были вписываемы собственноручно. Наибольшее число иногда простыхъ, а иногда и замысловато сложныхъ доказательствъ придумано на извѣстную пиѳагорову теорему. Приложеніе тригонометріи къ задачамъ землемѣрія доведено было до весьма быстрыхъ вычисленій посредствомъ логариѳмическихъ таблицъ Вега и Каллета.

М. М. Тимаевъ, излагавшій исторію, обладалъ даромъ слова, выражался ясно, во многихъ случаяхъ увлекалъ краснорѣчіемъ не напыщеннымъ, но исходившимъ отъ души, проникнутой великимъ значеніемъ историческихъ событій. Умѣнье говорить внятно весьма облегчало записываніе урока, такъ что отъ воспитанниковъ требовалось уже немного труда исправить записки и подать ихъ для просмотра. При сказываніи урока Тимаевъ требовалъ стройнаго, складнаго отвѣта, а неизбѣжными вопросами о времени событій и синкронистическомъ соотношеніи ихъ съ другими умѣлъ твердо запечатлѣть хронологію въ памяти своихъ слушателей. По окончаніи исторіи какого либо народа, или извѣстнаго ея періода, задаваемо было написать, въ опредѣленный срокъ, обозрѣніе главнѣйшихъ произшествій. Это со-

ставляло уже цѣлое сочиненіе, которое служило доказательствомъ болѣе или менѣе основательнаго усвоенія предмета воспитанниками. Такого рода задачи были въ то же время и упражненіемъ въ русскомъ языкѣ, на правильность коего и на слогъ обращалось особенное вниманіе. Сочиненія читались и обсуждались въ присутствіи всего класса.

Прочное начало къ изученію русскаго языка положено было еще въ учительскомъ институтѣ Карломъ Ѳедоровичемъ Свенске. Начавъ съ объяснительнаго чтенія, разбора статей и потомъ письменнаго изложенія знакомыхъ предметовъ, послѣдовательно переходилъ онъ къ граматикѣ и логикѣ. Такъ какъ въ институтъ поступили лучшіе ученики изъ петербургскихъ уѣздныхъ училищъ, по предварительному экзамену, произведенному въ нихъ Ѳ. И. Миддендорфомъ, то К. Ѳ. Свенске удобно было вести дѣло серьознымъ и научнымъ образомъ. Въ послѣдній годъ пребыванія нашего въ институтѣ К. Ѳ. объяснилъ какое значеніе имѣли первоначальные его уроки для будущихъ народныхъ учителей, казавшіеся дѣтскими и вызывавшіе иногда нетерпѣніе. Пріобрѣтенныя въ институтѣ граматическія и логическія свѣдѣнія и нѣкоторый навыкъ къ письму облегчали послѣдующія упражненія въ гимназіи и доставили И. С. Пеннинскому, преподавателю русскаго языка и словесности, хорошо приготовленныхъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчили ему возможность заниматься реторикою, политикою и литературою. Въ гимназіи К. Ѳ. Свенске преподавалъ нѣмецкій языкъ и умѣлъ заставить заниматься имъ. К. Ѳ. былъ олицетворенное благодушіе.

Развитая способность къ письменнымъ упражненіямъ и запасъ научныхъ свѣдѣній выразились предпріятіемъ, похожимъ на изданіе собственнаго журнала, подъ именемъ *Кое-что наше*. Въ немъ принимали участіе одни воспитанники старшаго класса гимназіи [1]). Редакторомъ былъ предложившій эту затѣю даровитый товарищъ нашъ П. П. Шкляревскій, владѣвшій перомъ лучше всѣхъ насъ. Онъ переписывалъ своею, необыкновенно четкою рукою всѣ присылаемыя статьи въ тетрадку, которая переходила изъ рукъ въ руки безъ оглашенія именъ авторовъ. Образцами служили тогдашніе журналы Измайлова и Греча и мы старались поддѣлываться къ нимъ, включая и сатирическія замѣтки и объявленія. Большая часть статей принадлежала Шкляревскому. Онѣ состояли изъ собственныхъ его стихотвореній и

[1]) А не института, какъ напечатано въ краткомъ отчетѣ, читанномъ на актѣ 26-го января 1873 года.

переводовъ изъ Шиллера и Вергилія. Сочинителями разказовъ были В. С. Троицкій и П. В. Клейменовъ. Наша литературная затѣя заключилась 9-ю или 10-ю тетрадками, потому что наступало время окончательнаго экзамена.

А. Г. Ободовскій (учитель географіи) отличался живостію преподаванія своего предмета, который умѣлъ заставить полюбить сообщеніемъ основательныхъ свѣдѣній по землевѣдѣнію, сопровождавшихся любопытными разказами о разныхъ достопримѣчательностяхъ. Рисованіе картъ по сѣткамъ и черченіе ихъ на доскѣ, съ соблюденіемъ возможной правильности очертанія границъ, теченія рѣкъ, направленія горныхъ хребтовъ и т. д., составляло необходимое условіе хорошей отмѣтки по преподаваемому имъ предмету.

Помню, какъ, приходя домой вечеромъ съ субботы на воскресенье, я принимался съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ ранней обѣдни, за черченіе карты какого-нибудь государства. Нѣкоторые образцы подобныхъ занятій сохранились у меня и до сихъ поръ, напоминая счастливыя минуты былаго довольства самимъ собою. Естественная исторія ограничивалась краткою систематикою ботаники, зоологіи и минералогіи. Во время загородныхъ лѣтнихъ прогулокъ въ праздничные дни и въ каникулы охотно собирали мы травы, полевые цвѣты, болотныя растенія и составляли гербаріи. Опредѣленіе родовъ и видовъ дѣлалось по synopsis plantarum. Будучи членомъ минералогическаго общества, А. Г. приносилъ въ классъ коллекціи минераловъ и по нимъ сообщалъ надлежащія свѣдѣнія.

Законъ Божій преподавалъ придворный протоіерей Г. И. Мансвѣтовъ съ такимъ успѣхомъ, что достигалъ не только твердаго знанія, но и усвоенія истинъ Св. Писанія всею душею. Это не были заученные на время уроки съ текстами, но свѣдѣнія, проникшія въ сознаніе дѣтей, возбуждавшія сочувственную готовность къ добросовѣстному примѣненію началъ нравственности, какъ въ житейскомъ быту, такъ и впослѣдствіи на общественномъ поприщѣ. При толкованіи литургіи, о. Мансвѣтовъ умѣлъ соединять объясненіе историческаго значенія принадлежностей богослуженія съ внутреннимъ его смысломъ.

Преподавателемъ латинскаго языка былъ инспекторъ гимназіи, профессоръ римскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, В. В. Шнейдеръ. У него мы начали учиться, что̀ называется, съ азбуки, и послѣдовательно познакомились съ Корнеліемъ Непотомъ, Саллюстіемъ, Вергиліемъ, Цицерономъ, Гораціемъ. Произведенія первыхъ трехъ писателей прочтены были вполнѣ, почти отъ доски до доски;

изъ Саллюстія выучены наизусть всѣ пять главъ знаменитаго его вступленія, нѣсколько рѣчей Юлія Цезаря, замѣчательныя мѣста изъ Виргиліевой Энеиды и много изъ Горація. При чтеніи поэтовъ требовалось точное соблюденіе разнообразнаго стихосложенія Горація и плавныхъ гекзаметровъ Виргилія. Для переводовъ съ русскаго на латинскій употребляема была книга Döring'a. Этимологическая и синтаксическая правильность въ переводахъ на латинскій языкъ доведена была до умѣнья написать цѣлую страницу не только безъ грубыхъ граматическихъ, но и синтаксическихъ ошибокъ. Кромѣ того, сообщаемы были свѣдѣнія о римскихъ древностяхъ. Передъ самымъ экзаменомъ, по случаю окончанія курса, посѣтилъ гимназію ректоръ Петербургскаго университета Дегуровъ, и объявилъ, между прочимъ, представленному ему высшему классу воспитанниковъ, готовившихся къ выпуску, что онъ очень строго отнесется къ требованіямъ познаній изъ латинскаго языка. Но произведя неожиданно для насъ экзаменъ, и насмѣшивъ своимъ произношеніемъ латинскихъ словъ на французскій ладъ, остался доволенъ переводами à livre ouvert нѣсколькихъ авторовъ и цѣлою страницею съ русскаго на латинскій, написанною въ его присутствіи. Нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ пантелеймонской гимназіи, поступившихъ, въ словесный и юридическій факультеты Петербургскаго университета, выбралъ въ свою аудиторію профессоръ Грефе, читавшій лекціи по обоимъ древнимъ языкамъ по латыни. Чтобы первокурсники прямо начинали слушать недоступныя для многихъ лекціи Грефе — до насъ не было примѣра; это было неожиданною въ университетскомъ быту новостію.

Относительно греческаго языка замѣчу, что мы много обязаны были дѣльному преподавателю этого предмета, А. Л. Крылову.

Не могу не упомянуть здѣсь нѣсколько словъ объ учительскомъ институтѣ 1820 года.

Учительскому институту, учрежденному за 50 лѣтъ передъ симъ, не суждено было заявить себя тѣми результатами, которые имѣлись въ виду при его основаніи; онъ былъ упраздненъ чрезъ три года своего существованія и преобразованъ въ 1823 году въ нынѣшнюю 3-ю гимназію. Институтъ инымъ образомъ отмѣтилъ свое краткое существованіе въ средѣ образовательныхъ учебныхъ заведеній. Сѣмена добра, посѣянныя примѣромъ добросовѣстнаго исполненія долга самими наставниками, познанія, вложенныя умѣньемъ учить, взросли и принесли хорошіе плоды въ цѣломъ составѣ бывшихъ воспитанниковъ, которымъ гимназія открыла свободный путь къ дальнѣйшему, выс-

шему образованію, а это говоритъ въ пользу педагогическихъ началъ, которыя положены были въ основу учительскаго института. Не даромъ С. С. Уваровъ, попечитель С.-Петербургскаго университета, нерѣдко посѣщалъ это заведеніе, присутствовалъ въ классахъ, бесѣдовалъ съ учителями и ласково обращался съ воспитанниками, обѣщая имъ покровительство на предстоящемъ учительскомъ служеніи. Помню, однажды, Сергѣй Семеновичъ усѣлся у окна, и, призвавъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ насъ, любезно разговаривалъ — какъ держать себя, когда будемъ учителями, какъ исполнять эту нелегкую обязанность въ нашемъ юномъ еще возрастѣ, затѣмъ спрашивалъ насъ, что̀ особеннаго замѣтили мы въ недавно совершенной нами прогулкѣ въ Петергофъ? Мнѣ пришлось вспомнить о совѣтахъ Сергѣя Семеновича, когда на 63 году своей жизни, послѣ 35-лѣтняго профессорскаго служенія, я вошелъ въ классъ народной школы, открытой мною въ Ѳеодосіи, мѣстѣ моего настоящаго жительства, и принялся за обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ нашемъ институтѣ предпринимались въ каникулярное время довольно дальнія прогулки въ сопровожденіи всѣхъ учителей, напримѣръ, въ села Мурино и Токсово, въ Петергофъ и Ораніенбаумъ [1]). Прогулки эти совершались пѣшкомъ; только двѣ повозки съ надлежащимъ запасомъ сопровождали пѣхоту, шедшую безъ ружей и не всегда правильнымъ строемъ. Одна изъ повозокъ отправлялась впередъ, чтобы къ привалу на мѣсто приготовить, чѣмъ утолить голодъ и жажду уставшей молодежи. Прогулки загородныя составляли предметъ описаній. Памятнымъ осталось пріятное впечатлѣніе о ласковомъ пріемѣ, оказанномъ многочисленнымъ юнымъ гостямъ пасторомъ Муральтомъ. До сихъ поръ живо представляется садовая терраса, на которой разставлены были столы, покрытые цвѣтными скатертями; на столахъ поразительно чистыя деревянныя кринки съ кислымъ молокомъ, подернутымъ густою сметаною; женская прислуга, въ народныхъ чухонскихъ костюмахъ, готовила хлѣбъ съ масломъ, накладывая ломтики говядины. Нѣмецкое хозяйство впервые явилось тогда предо мною въ своемъ привлекательномъ и поучительномъ порядкѣ.

В. Лапшинъ.

---

[1]) Обращаемъ при этомъ вниманіе читателей на помѣщенную выше статью объ учебныхъ прогулкахъ и поѣздкахъ учениковъ 6-й Московской гимназіи. Изъ разказа г. Лапшина оказывается, что этотъ добрый и полезный обычай уже существовалъ въ прежнее время. *Ред.*